

П.А. ЦЫГАНКОВ,
Ф.И. ФОМИНЫХ

Антироссийский дискурс Европейского союза: причины и основные направления

Со второй половины последнего десятилетия прошлого века в политическом дискурсе Запада в целом и Евросоюза в особенности наблюдается переход от снисходительно-доброжелательного восприятия России как страны, успешно продвигающейся по пути демократических реформ и стратегического партнерства с Западом (в роли его послушного младшего партнера) к представлению о ней как о все более авторитарном субъекте международных отношений с усиливающимися (нео)имперскими амбициями. Особенно высокого накала антироссийская риторика достигла в период второго президентства В. Путина, и с тех пор ее уровень не спадает. Политические деятели, представленные в таких институтах, как Совет Европы, Европарламент и др., ведущие европейские СМИ, лидеры отдельных стран Евросоюза, среди которых особенно выделяются руководители государств так называемой "новой Европы" – Польши, Чехии, стран Балтии, активно муссируют темы недружественности России во взаимодействии с Западом, авторитаризма Путина и деградации всех завоеваний демократии, достигнутых страной при Б. Ельцине, диктата Москвы в отношении Грузии и Украины и нецивилизованности ее внешней политики в целом, а главное – использования "энергетического оружия" как средства политического давления и шантажа. "Внешняя политика России, – заявляет, например, проректор Рижской полицейской академии К. Даугштс, – в данное время формируется так же, как во времена Ивана Грозного... как придворные интриги, авторитарный тип господства" [Даугштс]. В июне 2007 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Э. Блэр заявил: "Если Россия в ближайшее время не сможет продемонстрировать свою приверженность западным демократическим ценностям, то компании из Европы сведут к минимуму свое присутствие в РФ" [МИД... 2007].

Важно отметить, что подобная кампания дискредитации образа России ведется на фоне заметного укрепления ее экономических связей с ЕС. Как пишет научный сотрудник Германского института международной политики и безопасности С. Стюарт, "несмотря на существующие и потенциальные проблемы, экономические отношения между Россией и ЕС процветают, увеличиваются способы и повышаются уровни взаимодействия... Рост прямых зарубежных инвестиций в российскую экономику за последние три года поражает воображение, хотя одна из причин рекордного прироста капиталовложений в 2007 г. заключается в возвращении российского ка-

Цыганков Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений социологического факультета Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова.

Фоминых Филипп Игоревич – аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

питала из некоторых европейских стран" [Стюарт, 2008]. Выгода от укрепления экономических отношений с Россией для европейских бизнесменов очевидна. Вот почему британские деловые круги не последовали вышеназванным рекомендациям Блэра, но и оценили их как "ошибочный и несбалансированный подход", предупредив о риске нанесения ущерба подобными высказываниями западным инвестициям в России [Британские...]. Западные аналитики напоминают также, что ЕС получает из России четвертую часть необходимых энергоносителей, а больше половины совокупных российских поставок нефти и около четверти газа идут в Европу (хотя экспорт газа России приходится частично компенсировать импортом из Центральной Азии) [Хэнсон, 2008⁶]. Как заметил генеральный директор Центра политической конъюнктуры К. Симонов, если почитать западную прессу, то оказывается, что Россия – чудовищное государство с авторитарным режимом, которое пытается навязывать свою точку зрения странам постсоветского пространства, где вовсю распустились спецслужбы, где отнимают и делят собственность. Очевидно, что в западных печатных СМИ целенаправленно проводится подобная кампания. Однако если почитать доклады ряда западных фондов об экономической ситуации в России, то обнаружится, что подобные хвалебные речи постеснялось бы произносить даже российское правительство [Четыре...].

В данной связи возникает, по меньшей мере, три вопроса: о причинах русофобии в ЕС; о том, кому она выгодна; о дальнейших перспективах ее нагнетания. На наш взгляд, поиск ответов на указанные вопросы предполагает анализ русофобских высказываний не как серии случайных совпадений и даже не как скоординированной, но единовременной кампании, а как своего рода единой стратегии, учитывающей современную ситуацию в отношениях ЕС и России и объединяющей установку пространственной экспансии ЕС на Восток, его приближения к границам России. Иначе говоря, речь идет о геополитике как методологии исследования поставленных вопросов, а точнее – такого ответвления "новой геополитики", которое может быть названо "геополитикой восприятия".

"Геополитика восприятия" понимается прежде всего как господствующий дискурс, вырабатываемый доминирующими державами и навязываемый всему остальному миру в качестве представления о существе и значении мирополитических процессов, а также собственного места в мире. Так, французский историк А. Деллисан показывает, что корейская война 1950–1953 гг., унесшая жизни трех миллионов человек, в рамках господствующего в период холодной войны политического дискурса рассматривалась как "периферийная", так же как, например, вьетнамская война или же индо-пакистанский конфликт. Однако в истории участвовавших в них народов, как и в истории соответствующих регионов, эти столкновения занимают не маргинальное, а напротив, центральное место [Dellissen, 1999].

И официальные документы ООН, и научная литература по международным отношениям, не оставляют сомнений в том, что войны 1914–1918 и 1939–1945 гг. – главные события мировой истории. Однако указанные документы и литература не являются доказательствами абсолютной исторической истины. Напротив, они ясно свидетельствуют о преобладании западной точки зрения на мировую историю над точкой зрения других народов. По мнению французской исследовательницы К. Постель-Винэй, подобная ситуация отражает неосознаваемый, стихийный этноцентризм Запада, вытекающий из его силового превосходства [Postel-Vinay, 2005, p. 76]. Но если этот вывод и может считаться верным применительно к началу XX в., то последующее развитие событий, скорее всего, требует его переформулирования: сегодня это, по всем признакам, уже отнюдь не стихийный и неосознаваемый, а вполне целенаправленный прием Запада, и в частности ЕС, в борьбе за свои политические и экономические интересы. Объектом этой борьбы становится международное общественное мнение, ее предметом – формирование удобного для себя имиджа своего оппонента, а ее целью – получение односторонних конкурентных политических и экономических преимуществ.

На протяжении XX в. Запад остается главным архитектором мирового пространства. С 1914 по 1989 г. западные страны формулируют и навязывают собственную интерпретацию состояния мира, представляющую ход человеческой истории как движение от Первой мировой войны ко Второй, затем к холодной войне и от нее – к современному периоду. Разумеется, все эти понятия отражают реальные события. Но им придается универсальное значение, не соответствующее историческому восприятию остального, незападного мира. Не случайно указанные понятия возникли именно на Западе, точнее – в США. Термин "холодная война" появился впервые в романе Дж. Оруэлла "Скотский хутор" (1945 г.), а широкое хождение он получил после выхода в свет эссе У. Липпмана "Холодная война" (1947 г.). Мощь Соединенных Штатов, которая уже с 1917 г. превзошла мощь Европы, состоит не только в их военном, промышленном или финансовом потенциале, но и в их способности придавать смысл миру, структурировать его посредством большого геополитического нарратива, который им удается навязывать всем другим международным акторам, в том числе и своим противникам. Современный ЕС сотрудничает и одновременно соперничает в этом с Америкой, формируя отчасти противоположный ей "европейский образ" современных международных отношений, своего исторического предназначения и места других стран Европы в европейской и мировой политике.

Вместе с тем уже со второй половины 1990-х гг. монополия США и Запада в целом¹ не выглядит столь бесспорной, какой она казалась в начале XX в. Так, США при всей их огромной мощи, превосходящей мощь всех других государств и возможных союзов, в военном и военно-политическом плане оказались не только уязвимыми перед угрозами терроризма, но и явно не в состоянии одержать победу в оккупированном Ираке. Что же касается ЕС, то его слабость выявилась там, где евробюрократы ожидали ее меньше всего и где они предполагали (и продолжают предполагать) обрести его силу. Речь идет о неумеренной пространственной экспансии на Восток, поглощающей все новые государства и размывающей евроидентичность. «В стремлении преодолеть свой "европейский комплекс неполноценности" на путях антироссийской, антиевразийской политики страны Восточной Европы парадоксальным образом оказываются "анти-Европой"» [Карпец].

Сегодня в мировой политике, как подчеркивают многие исследователи, в определении веса и влияния государства возрастающую роль вновь начинают играть размер его территории и географическое положение. Эта тенденция в перспективе может усилиться под воздействием ухудшения экологической ситуации, развития межрегиональных транспортных магистралей, воздействия демографических факторов [Кокошин].

В экономическом плане возникают сразу несколько новых крупных центров, в частности Китай и Индия, стабильно сохраняющих на протяжении десятилетий высокие темпы роста. Благодаря этому Китай уже сегодня занимает второе место в мире по объему ВВП, опережая любую из стран ЕС и Японию. Укрепляется и все более уверенно заявляет о себе как о глобальном игроке Российская Федерация.

В социокультурном плане распространение западных идеалов приоритета рациональности и индивидуализма, вездесущия рынка, антигосударственности и прав человека сталкивается с незападным пониманием основных ценностей. На этом фоне ЕС, провозгласивший в качестве своей стратегической цели стать одним из пяти центров многополярного мира, стремится не только к увеличению своего экономического потенциала и усилению военно-политического могущества (в том числе и за счет укрепления связей с НАТО), но и к формированию ЕС как политического сообщества с четкими границами, которое должно иметь стабильные и эффективные

¹ Несмотря на различие исторического опыта и возникающие иногда расхождения в оценках и способах продвижения своих ценностей, Западная Европа, связанная узлами Североатлантического союза, поддерживает основы американского геополитического дискурса.

институты, быть способным действовать в заданном формате, крепить солидарность между своими членами, проводить более активную и независимую внешнюю политику (см. [Фуше]). Важная роль в достижении всех этих целей и реализации стратегии ЕС отводится формированию "европейского" представления о современном и будущем мире с незаменимой ролью ЕС, претендующего на неоспоримые преимущества перед всеми другими моделями развития. Иначе говоря, важная роль в стратегии ЕС придается "геополитике восприятия", значительное место в которой занимает антироссийский дискурс.

Следует заметить, во-первых, что как практика международного поведения "геополитика восприятия" не представляет собой замену традиционной геополитики или геоэкономики как учения о противоборстве на международной арене с учетом роли пространственно-территориальных и экономических факторов. Новые сферы, средства и формы столкновения интересов и конкурентной борьбы не отменяют старые, а наслаиваются на них, делая картину мировой политики более сложной, умножая вызовы и угрозы национальной и международной безопасности. Во-вторых, как исследовательский метод "геополитика восприятия", так же как и "новая геополитика" в целом, исходит не только из того, что разделяет субъектов международного взаимодействия, но и из фиксирования общих угроз, противостояние которым требует от игроков мировой политики не только отставания собственных национальных интересов и суверенитета, но и совместных согласованных усилий.

Поэтому речь Путина на Мюнхенской конференции (2007 г.) по безопасности впервые после двадцати лет уступок России в отношении Запада содержала простую, но довольно неожиданную для Запада мысль: Россия стремится к тому, чтобы ее на деле признавали равной в ряду других держав и требует, чтобы уважали ее законные интересы и считались с ее мнением по важнейшим вопросам, даже если оно расходится с позицией ЕС и США. Именно усиление политической и экономической силы России и возрастание ее конкурентоспособности, переход к принципиально новому курсу – на достижение самодостаточности и самоуважения во внутренней и внешней политике – вызвали оживление антироссийских выступлений в странах ЕС. Основными направлениями антироссийской кампании, развернутой в европейских СМИ, экспертных и аналитических сообществах, властных структурах и бизнес-кругах стали экономическая стратегия России, ее внутренняя и внешняя политика.

В экономической сфере европейская критика России сосредоточена на вопросах, касающихся препятствий доступа на российские рынки. "Известно несколько случаев, – пишет Стюарт, – когда зарубежных инвесторов в России вынудили отказаться от участия в крупных энергетических проектах под менее чем убедительными предложениями" [Стюарт, 2008]. Приведем несколько выдержек из досье немецкого аналитического агентства DW-WORLD.DE. "Российские инвестиции в Европе" за сентябрь–ноябрь 2006 г. [Российский... 2007]:

- «"Газпром" скупает активы немецких компаний». Российский концерн начал скупать акции немецких энергетических компаний. Наблюдатели считают, что объектом особого внимания газового монополиста является компания RWE (7 ноября 2006 г.);

- "Российские инвестиции: Союз немецких промышленников призывает к бдительности". Усиливающийся приток российских инвестиций на германский рынок вызывает тревогу у профессиональных объединений ФРГ. Эксперты опасаются политических инъекций и игры не по правилам (6 ноября 2006 г.);

- "Организация немецких предпринимателей выдвигает требования российским инвесторам". Экономические объединения и профсоюзы призывают связать условиями деятельность российских инвесторов в Германии. Ограничения для российских концернов в Европе могут стать ответом на экономическую политику Кремля (4 ноября 2006 г.);

- "Россия повышает ставки в игре с европейским оборонным концерном EADS". Зачем Кремлю акции EADS? Европейский аэрокосмический концерн не намерен ид-

ти навстречу Москве в ее чаяниях получить доступ к руководству предприятием огромного стратегического значения для Европы (20 сентября 2006 г.);

– *"Для чего России пакет акций европейского аэрокосмического концерна?"*. "Внешторгбанк" воспользовался благоприятным моментом для покупки акций EADS после резкого падения биржевого курса в июне. Теперь у России столько же акций концерна, сколько у некоторых стран – членов НАТО (12 сентября 2006 г.).

Важное место в экономической критике России со стороны ЕС уделяется проблемам, связанным с плохо развитой инфраструктурой, массовой коррупцией, непомерно раздутой бюрократией и неадекватными юридическими механизмами [Стюарт, 2008]. Руководитель Института переходной экономики Банка Финляндии П. Сутела приводит еще одно направление критики в данной области, касающееся стремления российских компаний к приобретению активов в странах ЕС в обмен на участие европейцев в совместных российско-европейских бизнес-проектах: "Хотя либерализация иностранных инвестиций явно пойдет на пользу стране, российские производители вряд ли обновят и улучшат процесс газораспределения либо обслуживания заправочных станций на территории Европейского союза. У других государств больше опыта в данном деле. Зачем же российские компании перебивают чужие ставки? Что это – самонадеянность, избыток средств или некий тайный расчет? Именно это и тревожит европейского обывателя" [Сутела, 2007]. В то же время, по мнению научного сотрудника Королевского института международных отношений Ф. Хэнсона, опасения, что Москва попытается использовать газ как инструмент политического давления, сильно преувеличены: «Чтобы Кремль "перекрыл кран" Германии, Франции, Австрии или Италии, ситуация должна балансировать едва ли не на грани войны. Это крайне маловероятно» [Хэнсон, 2008³]. С тем, что опыт далеко не всегда подтверждает подобного рода подозрения, согласен и сам Сутела: «Финляндия, – пишет он, – мало зависит от природного газа, целиком поступающего из России. "Газпром" является миноритарным акционером нашей распределительной компании, а "ЛУКОЙЛ" владеет второй по охвату сетью автозаправочных станций. И мы не видим в этом ничего зазорного. Более того, участие "Газпрома" обеспечило сторонам доступ к важной информации» [Сутела, 2007].

Что касается "энергетического шантажа", в котором часто обвиняют Россию западные СМИ и некоторые европейские политики, то в ходе международного семинара "Россия и Европейский союз", организованного Институтом европейских исследований Университета Сан Пабло и Королевским институтом Элькано 8 мая 2007 г. в Мадриде, была высказана мысль о том, что не только Россия использует энергетический аргумент во внешней политике: «Существует широко распространенная аналогичная практика государств в контексте парадигмы "энергетического национализма". Исходя из этой ситуации, следует ставить вопрос о приемлемости этой практики в глобальном масштабе, а не только в отношении России... Что касается конкретных случаев прекращения поставок газа в Беларусь и на Украину, речь идет о краткосрочных мерах, и не политического, а скорее, экономического характера... Представляется маловероятным, что Россия будет применять подобные меры к странам ЕС. Более 50% доходов Российского государства зависит от экспорта энергетических ресурсов. Наконец, опасения Европейского союза не представляются обоснованными и потому, что Россия – не единственный источник его энергоресурсов» [Россия...].

Более того, существуют примеры, подтверждающие, что европейские компании далеко не всегда придерживаются принципа взаимной выгоды, стремясь получить односторонние преимущества от экономического сотрудничества с российскими фирмами. Идея обменяться активами, как писала "Независимая газета" еще в мае 2006 г., не вызвала приступа энтузиазма на Западе. К приватизации "Газ де Франс" "Газпром" не допустили, информация о покупке российской газовой монополией британской "Центрики" вызвала в Великобритании всплеск возмущения. А председатель правления "Рургаза" заявил, что концерн не намерен отдавать германские ак-

тивы взамен за вхождение в Южно-Русское месторождение ("Независимая газета", 23 мая 2006 г.).

Это подтверждают и отдельные западные аналитики. Как показывает Сутела, после того, как французская компания "Тоталь" получила права на ограниченное миноритарное участие в разработке газоконденсатного месторождения "Штокман", Франция не предоставила подобные привилегии ни одной из российских компаний, по меньшей мере официально [Сутела, 2007].

Таким образом, "экономическая критика" России со стороны ее европейских партнеров исходит, во-первых, из реальных трудностей и проблем российско-европейского сотрудничества, ответственность за многие из которых (коррупция, бюрократизированность, слабость законодательной базы и т.п.) действительно падает на Россию. Сегодня, судя по многим признакам, эта ответственность осознается как бизнес-сообществом России, так и ее политическим руководством, хотя следует признать, что процесс осознания все еще отстаёт от практических мер по исправлению существующего положения.

Во-вторых, как тональность, так и содержание указанной критики свидетельствуют о том, что в бизнес-кругах ЕС сдержанно воспринимают попытки политизации экономического сотрудничества с Россией. Так, с точки зрения энергетических компаний, "в условиях, когда главным является обеспечение поставок энергоносителей и функционирования рынков, систематические действия в обход России – это нонсенс" [Гомар, 2008].

В-третьих, экономическое сотрудничество России и ЕС (что совершенно естественно) сопровождается острой и зачастую достаточно жесткой по своим формам конкуренцией, в которой каждая сторона отстаивает собственные интересы. В этих условиях Россия борется за соответствующие ее ресурсам лидерские позиции в сфере энергетики, не скрывая своей заинтересованности в западных технологиях и приобретении активов на территории ЕС. Как подчеркивает И. Шувалов, "Европа должна понимать, что ситуация изменилась. Мы не сырьевая страна, и такое состояние своей экономики рассматриваем как временное". ЕС, со своей стороны, не меньше заинтересован в России. На сегодняшний день разведанных ресурсов газа и нефти в мире очень мало, поэтому ЕС будет всегда нуждаться в российских энергоресурсах, в том, чтобы нефть и газ стабильно поступали в Европу [Шувалов, 2006]. А это, в свою очередь, влечет за собой стремление ЕС контролировать ситуацию в России. Аналитики прогнозируют, что в экономическом диалоге с Россией Европа, как и Запад в целом, по-прежнему будет стремиться к получению существенных односторонних выгод, используя тактику небольших уступок второстепенного плана, добиваясь максимальной либерализации российского рынка энергоносителей и закрепления за Россией места "прирученного" поставщика углеводородных ресурсов. Она будет препятствовать доступу к другим товарным рынкам и рынкам услуг, к передовым технологиям с конечной целью не допустить становления России как сильного конкурента [Россия... 2006].

Гораздо более непримиримые позиции высказываются в странах ЕС по поводу российской внутренней политики. Предметом острой критики со стороны ЕС стал "откат России от демократии". Некоторые реформы, касающиеся реструктуризации отношений между федеральным центром и регионами РФ, принятие закона о регламентации деятельности неправительственных организаций, создание Общественной палаты послужили темой острых дебатов в ПАСЕ о соблюдении Российской Федерацией обязательств, принятых в 1996 г. ПАСЕ осудила ситуацию, как "явно несовместимую с основным демократическим принципом о разделении властей между законодательными и исполнительными органами"².

Резкую критику вызывает позиция России по вопросу о смертной казни. Как известно, после введенного моратория Россия еще не ратифицировала шестой прото-

² Резолюция 1455 (2005) о соблюдении требований и обязательств, принятых Россией в 1996 г. (assembly.coe.int/mainf.asp?link=http://assembly.coe.int/documents/adoptedtext/ta05/FRES_1455.html).

кол Европейской конвенции об отмене смертной казни. Основой моратория служил тот факт, что смертная казнь в России не может быть применена в силу недостатков судебной организации – не все субъекты Федерации имели суд присяжных. Сегодня только Чечня остается субъектом, не удовлетворяющим этому условию. Мораторий может быть отменен, как только суд присяжных там будет действовать. Но надо сказать, что большинство россиян высказываются за сохранение смертной казни и считают, что Россия совершила ошибку, введя мораторий на смертную казнь в 1996 г.

Неприятие вызывает и российский закон о выборах. Как известно, по рекомендации госдепартамента США, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) отказалось прислать в Россию наблюдателей на парламентские выборы 2007 г. Целью такой акции являлась делегитимизация выборов в России. Независимость европейских политиков здесь налицо, хотя и для них понятно, что подобные действия не дадут результата. Представитель БДИПЧ ОБСЕ У. Гуннар-сдоттир, отвергая согласованность позиции БДИПЧ с американским правительством, характеризуя членов своей команды, заявила: "Это люди, которые организовали наблюдение за выборами более чем в 150 странах и поэтому хорошо понимают, что они могут, а чего не могут, и с какого момента организовать наблюдение уже нельзя" (см. [Минаев, 2007]). Тем самым, по сути, ставится под сомнение компетенция всех других наблюдателей, представляющих многочисленные международные организации, которые нашли условия для наблюдения за выборами в России вполне благоприятными.

Суть здесь в другом: речь идет о политике, направленной на снижение доверия к России. Подобным же образом изначально настроенные критично главы миссий ПАСЕ и ОБСЕ называли выборы в Думу не соответствующими европейским стандартам, а предвыборную борьбу явно несправедливой, с зажимом свободы для оппозиционных партий. Уже после окончания выборов некоторые иностранные наблюдатели (23 человека, авторы письма с указанным контактным телефоном, но без указания личных координат) выборы раскритиковали. В то же время были и другие, на наш взгляд, более взвешенные и объективные отклики. Так, представитель Греции в Совете Европы в эксклюзивном комментарии "Известиям" отметил, что "выборы в Думу были свободными и независимыми. Совет Европы критикует Россию за попытку воздействия на политическую жизнь со стороны государства, например, за увеличение проходного балла до 7%. Но многие из этих замечаний можно с таким же успехом высказать в адрес других стран, волеизъявление в которых считают вполне демократичным. В Турции, например, избирательный барьер еще выше – 10%. Мне представляется, что по сравнению с предыдущими думскими выборами 2003 г. ситуация существенно улучшилась. Я не увидел никаких нарушений в ходе голосования. Так что выборы 2007 г. я считаю абсолютно честными" [Наблюдатель... 2007]. Испанская газета "Паис" отметила абсолютную победу Единой России. Причиной поражения Яблока и СПС газета назвала то, что этим партиям не удалось "хоть чем-то заявить о себе в последние годы, они не выдвинули никакой альтернативы и практически самоустранились от полемики в обществе". "Либералы отождествляются в России, – пишет газета, – с диким капитализмом времен Бориса Ельцина и жизненными невзгодами, которые довелось испытать населению страны в ту эпоху" ("Известия", 4 декабря 2007 г.).

Особое раздражение европейских СМИ вызывал в бытность свою президентом России Путин, отзывы о котором просто выходили за рамки приличий³. Как писала

³ Например, парижская "Монд" писала: "Для бывшего офицера КГБ репрессии – вторая натура. Владимир Путин демонстрирует это каждодневно с растущей интенсивностью по мере приближения парламентских выборов... Нет никакого рационального объяснения этой глубинной аллергии на любое публичное проявление несогласия с вождем... В его распоряжении все инструменты власти. Оппозиция слаба, разобщена, лишена средств выражения. Она не может представлять угрозы правящим кланам, которые нашли в Путине наилучшую гарантию сохранения своей власти. И все же эти кланы настороже... В страхе перед выборами, даже перед теми, которые он не может проиграть, (Путин) возвращается к старым проверенным методам советских времен: пропаганде, подавлению редких оппонентов для устрашения общества" (см. "Известия", 4 декабря 2007 г.).

обозреватель "Монд дипломатик", "европейцы склонны культивировать мифы. Например, считается хорошим тоном предполагать, что правление Путина – некое недоразумение и что достаточно дождаться его смены, чтобы возобновить партнерство. Однако все свидетельствует о том, что, если методы и могут измениться, то генеральное направление останется прежним" [Nécessaire... 2007].

Наконец, не меньшее, если не большее, неприятие в ЕС вызывает внешняя политика Российской Федерации. В этой сфере, так же как и в том, что касается российской внутренней политики, европейские оппоненты России настаивают на том, что главное расхождение между ЕС и Россией лежит в области ценностей. Как пишет научный сотрудник Группы передовых исследований и оценки при Оборонной академии Великобритании Дж. Шерр, «НАТО и ЕС существуют как сообщества, опирающиеся на общие ценности, интересы и приоритеты. Если Россия их не разделяет, она не может претендовать на права и преимущества, имеющиеся у стран, которые под ними подписываются. Она также не может претендовать и на признание ее "зон интересов", если это противоречит интересам государств, попадающих в эти зоны». Вместе с тем Шерр дает понять, что ценности – все же не главное, главное – интересы: "Запад продолжит проявлять законный интерес к государствам, которые твердо намерены присоединиться к его институтам, и не позволит России быть арбитром в данном вопросе либо препятствовать развитию отношений постсоветских стран с Западом" [Шерр, 2008]. Иначе говоря, если Запад имеет право отстаивать свои законные интересы, то России в таком праве отказано. При этом Шерр умалчивает о том, что политика Украины, к которой Запад проявляет все более настойчивый интерес, не отражает ценности украинского народа, 60% которого выступают против вступления своей страны в НАТО.

Стоит отметить, что не все европейские исследователи и эксперты столь прямолинейны и агрессивны в своих оценках внешней политики России. Многие из них настаивают на необходимости сотрудничества с Россией, подчеркивая при этом необходимость самостоятельной внешней политики ЕС по отношению к США, и одновременно сетуют на трудности ее выработки и осуществления ввиду неоднородности и даже раскола Евросоюза.

Так, Т. Гомар говорит о том, что в настоящее время происходит "оттеснение Европейского союза на второй план" мировой политики, в частности, по вопросу размещения элементов американской ПРО в странах Восточной Европы: "...с европейцами никто не советуется. Лишь благодаря настойчивости А. Меркель эта проблема начала обсуждаться в многостороннем формате на встрече стран НАТО в августе 2007 г. Ряд государств, в частности Германия, Канада и Норвегия, сдержанно относятся к планам развертывания ПРО, полагая, что это негативно скажется на отношениях Североатлантического альянса с Россией. С точки зрения Вашингтона, подобный обмен мнениями не ставит под сомнение обоснованность американских планов" [Гомар, 2008]. Жесткость российской внешней политики он объясняет тремя тесно связанными между собой факторами: американской активностью у российских границ, которая после событий на Украине расценивается Кремлем как череда провокаций; общим снижением возможностей Соединенных Штатов, завязнувших в Ираке; стратегическим ослаблением Евросоюза. С его точки зрения, "эти обстоятельства открывают перед Россией пространство для маневра, цель которого ясна: использовать вновь обретенную силу для того, чтобы заставить признать существование российских зон влияния" [Гомар, 2008].

В свою очередь, патриарх германской и европейской внешней политики Э. Барр полагает: слабость ЕС объясняется тем, что он "слишком долго не определял своих границ", он "слишком растянут и бьется над проблемами своей внешней и внутренней управляемости. Установить внутреннее, в определенной степени административное, самоуправление в ЕС – это уже достаточно сложно. Внешняя дееспособность Евросоюза требует самоопределения... Глобализация означает также борьбу за власть и расширение зон влияния". При этом Германия, как один из важнейших

членов ЕС, играющих, наряду с Францией, роль "мотора" интеграционного объединения, должна сконцентрировать все свои усилия на том, чтобы Европа стала пятым полюсом многополярного мира [Барр, 2007].

Для превращения ЕС в глобальную политическую силу, считают европейские эксперты, есть главные предпосылки – экономические и ценностные. Не хватает только двух важных условий – единства европейских стран как условия единой политической воли и эмансипации по отношению к Америке. Очевидно, что выполнение этих условий и превращение ЕС в глобального игрока могло бы сдерживать претензии России на существование зон российского влияния.

Обратим внимание на характеристики ЕС, перечисляемые Барром и вполне типичные для европейских политического истеблишмента и СМИ: "Европа никому не угрожает, Европа ориентирована на стабильность, у Европы нет ни врагов, ни территориальных претензий... Большие достижения: свобода, мир, право, благосостояние, многообразие, солидарность, даже если они несовершенны, но, тем не менее, привлекательны и являются предметом зависти" [Барр, 2007]. В. Третьяков характеризует подобный подход к оценке ЕС как "головокружение от успехов" [Третьяков, 2005].

Третьяков вполне обоснованно, на наш взгляд, указывает на геополитический характер европейских внешнеполитических планов, формировавшихся на волне успехов в евростроительстве: «Политическая стабильность в Европе нарастала, экономические показатели тоже росли, – пишет он. – Рухнули советский блок, да и сам Советский Союз – угрозы с Востока, реальной или мифической, больше нет. Практически все члены бывших СЭВ и ОВД просто рвутся в Евросоюз. Европе (Западной) можно, наконец, вывернуться из-под тяжелой длани старшего американского брата. Более того, стать экономически равновесной США и даже превзойти их... Россия, наконец-то, потеряла своих вассалов – теперь их можно включить в состав своей "неоимперии". Более того, Большая Россия отдала и часть своих земель – и их надо бы побыстрее оприходовать под свое крыло» [Третьяков, 2005]. Главным препятствием, неожиданно возникшим на пути достижения этой цели, стало само расширение ЕС, рассматриваемое как ее средство (или одно из средств). А его преодолению мешает новая российская внешняя политика, все более настойчиво заявляющая о своих национальных интересах.

Основные аргументы сторонников антироссийской политики ЕС как бы резюмированы в докладе "Отношения Россия–ЕС: аудит власти", который накануне Энергетического конгресса в Риме в конце 2007 г. был направлен Европейскому совету по внешним отношениям. В докладе предложена новая модель поведения ЕС по отношению к России. Авторы доклада – исполнительный директор Европейского совета по внешним отношениям М. Леонард и исследователь Совета Н. Попеску. Документ рассылался буквально повсюду без пояснений, что это частное мнение нескольких экспертов [Евросоюзу... 2007].

С точки зрения авторов документа, неприемлемость российской внешней политики состоит в том, что она пытается позиционировать себя в качестве модели, альтернативной Западу, по таким вопросам, как суверенитет, сила и мировой порядок. «Россия подписывает двусторонние договоры в области энергетики, внося раздор в евролагерь, она блокирует независимость Косово, она "выдавила" ЕС из Центральной Азии и стран Закавказья, а в Украине и Молдавии пыталась свести на нет европейские элементы» [Евросоюзу... 2007].

Самое печальное, по мнению авторов доклада, это то, что России удастся реализовать свои "коварные планы". "И это несмотря на то, – пишут они, – что население ЕС в три раза больше населения России, военные расходы Брюсселя – в десять, а экономика Евросоюза пока еще в пятнадцать раз мощнее российской экономики". Вроде бы все козыри на руках европейцев, не хватает только одного – единства [Троянские... 2007].

В этой связи авторы доклада выделяют в составе ЕС пять групп стран.

Во-первых, это "троянские кони" России в ЕС – Кипр и Греция, которые лоббируют интересы России и блокируют невыгодные ей решения. Во-вторых, это "стратегические партнеры" России в ЕС, к которым относятся Франция, Германия, Италия и Испания. Это страны, которые поддерживают особые партнерские отношения с Россией, часто даже в ущерб общеевропейской политике. Третью группу составляют "дружелюбные прагматики" (Австрия, Словакия, Бельгия, Болгария, Финляндия, Венгрия, Люксембург, Мальта, Португалия и Словения), которые поддерживают близкие отношения с Россией, но все же ставят свои деловые интересы выше политических. В четвертую группу вошли "холодные прагматики" (Чехия, Дания, Эстония, Ирландия, Латвия, Голландия, Румыния, Швеция и Великобритания). Для этих государств деловые интересы имеют весомое значение, но они не чужаются и резко выступать против России. Замыкают перечень "новые холодные войны" – Польша и Литва, у которых сложились едва ли не откровенно враждебные отношения с Россией. Эти страны блокируют переговоры ЕС с Москвой [Россия...].

Характерны при этом слова одного из европейских дипломатов, которого цитируют авторы доклада: "По поводу системы ПРО россияне правы по многим моментам, однако они так отвратительно себя вели, что это уже не имеет значения. Мы уже не можем дать им право заблокировать эту тему" [Троянские... 2007].

Завершая анализ проблем, связанных с антироссийской риторикой ЕС, необходимо сказать следующее. Эта риторика вызвана, на наш взгляд, тем, что экономическая стратегия России, ее внутренняя и внешняя политика трактуются представителями ЕС в едином дискурсе, призванном сформировать образ России как "анти-Европы" в качестве составной части представления, структурирующего расширяющееся пространство ЕС.

Причинами антироссийской риторики можно считать: экономический рост России, увеличение ее инвестиционной привлекательности и связанное со всем этим стремление ЕС к конкурентным преимуществам в экономическом взаимодействии с ней; укрепление суверенитета России, оставляющее мало места для воздействия на ее внутреннюю политику с целью получения контроля над ее ресурсами или хотя бы более-менее беспрепятственного доступа к ним; наступательность российской внешней политики и рост ее влияния в мире и в своем ближайшем окружении как противовеса попыткам ЕС "нести бремя ответственности за весь ареал европейской цивилизации" [Третьяков, 2005]. Наконец, в стремлении стать одним из центров глобальной политики в качестве самоопределившегося единого игрока и учитывая внутренние раздоры в ЕС, последний пытается использовать традиционный политический прием державной политики – внутреннюю консолидацию путем формирования образа внешнего врага. ЕС нужен "значимый другой", который не принадлежал бы к Европе и образ которого, контрастируя с ней, оттенял бы все ее достоинства и стимулировал движение к внутреннему единству. Частично такую роль выполняет Америка, однако США – ближайший союзник ЕС по НАТО, с которым ее объединяют общие для всего Запада ценности и представления о цивилизаторской миссии западной "большой культуры". Иное дело – Россия, которая, претендуя на свою принадлежность к Европе, в то же время позволяет себе соглашаться не со всеми западными ценностями.

Иначе говоря, причины антироссийской риторики ЕС коренятся в экономических и политических интересах европейских экономических и политических кругов, рассматривающих поведение России как препятствие на пути достижения своих целей в регионе и в мире в целом.

Поскольку же с расширением ЕС трудности и проблемы на пути реализации его стратегии и взятой им на себя миссии "европейской ответственности" возрастают, постольку усиливается и его антироссийская риторика, основными субъектами которой выступают: "младоевропейцы"; такие институты, как европарламент, Совет Европы и др.; печатные и электронные СМИ; отдельные руководители западноевропейских государств. Каждый из этих субъектов преследует собственные цели, пы-

тается добиться своей выгоды: "младоевропейцы" стремятся угодить США (не заинтересованным в укреплении единства ЕС) и через них увеличить свой вес в европейских и международных делах; малозначительные европейские институты – привлечь к себе внимание и тем самым повысить свой авторитет; СМИ – поднять тиражи и, соответственно, собственный имидж как независимых выразителей общественного мнения, а также и свою финансовую прибыль; политические руководители – получить побольше популярности внутри собственных стран и попытаться выторговать определенные преимущества в международной среде.

В перспективе, по крайней мере среднесрочной, конкуренция и расхождение интересов в отношениях между ЕС и Российской Федерацией сохранятся, поэтому сохранится и определенная доля антироссийской риторики ЕС. Вместе с тем у России и ЕС существует немало общих интересов, прежде всего в области экономики и энергоресурсов, но также и в таких сферах, как безопасность (включающая решение проблем противоракетной обороны, нераспространения оружия массового уничтожения, борьбы с международным терроризмом, нелегальной иммиграцией и наркотрафиком) и международная политика. Если Россия рассматривает ЕС как одно из главных направлений реализации своих внешнеполитических интересов, а также надеется на содействие ЕС в своем стремлении совершить прорыв в развитии новых технологий, то Европа, в свою очередь, не сможет обойтись без сотрудничества с Россией в снабжении энергоресурсами, как и преодолеть свой "политический маргинализм" на мировой арене. В этом контексте антироссийская риторика ЕС может снижаться по мере его адаптации к новой России, способной отстаивать свои интересы, и осознания необходимости выстраивать отношения с ней на равноправной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барр Э. Стратегические интересы Европы // http://www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale_Politik/2007/IP02_2007/11.html.

Британские бизнесмены попросили Блэра воздержаться от критики Кремля // <http://news.mail.ru/politics/1355819/print/>.

Гомар Т. Европа, Россия, США: новые величины старого уравнения // Россия в глобальной политике. 2008. № 1.

Даугштис К. Чего хочет Россия // <http://www.politnauka.org/corn/lu/dauksts.php>.

Евросоюзу рекомендуют надавить на Россию из-за газа // <http://www.rbcdaily.ru/print.shtml?2007/11/08/focus/302001>.

Карпец В. Кризис Евросоюза – шанс для Империи // <http://www.novoenmnenie.ru/mnenie/46p.html>.

Кокошин А.А. О явлениях и тенденциях, изменяющих характер международных отношений в первом десятилетии XXI века. Оценки, размышления, рекомендации // http://www.ipmb.ru/4_29_10.html.

МИД Британии предупредил компании о рисках ведения бизнеса в РФ // <http://top.rbc.ru/economics/07/06/2007/105907.shtml?print>.

Минаев А. Вторая натура // Новая газета. 2007. 29 ноября–2 декабря.

Наблюдатель от Греции Петрос Эфсемиу – “Известиям”: “Голосование было свободным” // Известия. 2007. 4 декабря.

Российский капитал в Европе: доверяй, но проверяй // Internationale Politik. 2007. № 11.

Россия и Европейский союз // <http://www.stoletie.ru/print.php?printid=9404>.

Россия и Запад: трудный экономический диалог // Российская Федерация сегодня. 2006. № 1.

Россия расколола Европу // <http://www.nevskoevremya.spb.ru/planeta/4058/rossiaraskololaevropu/>.

Стюарт С. Россия и ЕС: экономика как катализатор политики // Россия в глобальной политике. 2008. № 2.

Сутела П. ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных? // Россия в глобальной политике. 2007. № 6.

Третьяков В. Раздувшийся Евросоюз // Российская газета. 2005. 2 июня.

Троянские кони России // <http://www.rosbalt.ru/2007/11/12/430390.html>.

Фуше М. Какое будущее ожидает Европейский Союз? // http://zvezda.ru/prn_576.htm.

Хэнсон Ф. Россия и ЕС: экономическое сотрудничество неизбежно // Россия в глобальной политике. 2008^б. № 2.

Хэнсон Ф. Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно // Россия в глобальной политике. 2008^а. № 1.

Четыре пространства России и Евросоюза // <http://www.ancentr.com/portal/article3057.html>.

Шерр Дж. Россия и Запад: переоценка // Россия в глобальной политике. 2008. № 2.

Шувалов И. Путин не шутит // Независимая газета. 2006. 23 мая.

Dellissen A. Corée // L'Asie centrale et orientale aux XIX-e et XX-e siècle. Paris, 1999.

Nécessaire partenariat avec la Russie // <http://www.monde-diplomatique.fr/2007/01/BACHKATOV/14319>.

Postel-Vinay K. L'Occident et sa bonne parole. Nos représentations du monde, de l'Europe coloniale à l'Amérique hégémonique. Paris, 2005.

© П. Цыганков, Ф. Фоминых, 2009